

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО

УДК (811.161.3+811.111)'42
doi 10.17072/2073-6681-2024-2-5-15

EDN SKYGEV

Участие референциальных механизмов субъектных номинаций в манифестации категории интертекстуальности в новостных статьях (на материале белорусского и английского языков)

Ирина Михайловна Басовец

к. филол. н., доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики

Минский государственный лингвистический университет

220034, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Захарова, 21. basovets@list.ru

SPIN-код: 8469-3169

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2142-7233>

ResearcherID: HKO-8406-2023

Статья поступила в редакцию 19.07.2023

Одобрена после рецензирования 02.10.2023

Принята к публикации 10.01.2024

Информация для цитирования

Басовец И. М. Участие референциальных механизмов субъектных номинаций в манифестации категории интертекстуальности в новостных статьях (на материале белорусского и английского языков) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, вып. 2. С. 5–15. doi 10.17072/2073-6681-2024-2-5-15. EDN SKYGEV

Аннотация. Исследование взаимосвязи универсальных механизмов субъектной референции с лингвокультурными особенностями вербализации и всепроникающей категории интертекстуальности в медиаполе представляется актуальным в силу онтологической природы такой взаимосвязи и ее недостаточной изученности. Цель – определить референциально-прагматические характеристики субъектных компонентов конструкций авторизации и деавторизации в интертекстах новостных статей. Методы исследования – индуктивный метод, метод контекстуального и семантико-прагматического анализа. Материалом послужили новостные статьи на белорусском (газеты «Звязда») и английском (газеты The Times) языках. В результате анализа способов вкрапления интертекстов в новостных статьях обнаружена корреляция между используемым типом референциального механизма в отношении субъекта конструкций (де)авторизации и (не)возможностью соотнесения интертекстовых фрагментов текста-реципиента с текстом-донором. Установлено, что в новостных статьях интертексты используются в целях аргументации и/или сохранения оригинальной оценки при островном цитировании. При этом логическая аргументация преимущественно полагается на тексты институциональной принадлежности с активацией коммуникативного приема «ссылка на авторитет», а психологическая аргументация формируется на основании, как правило, текстов неинституциональной принадлежности с включением мнений обобщенных и неопределенных субъектов. Выявлено, что установление соотнесенности интертекстов в функции психологической аргументации с текстами-донорами в большинстве случаев невозможно из-за нереферентного субъекта, маркирующего интертекст, в то время как интертексты в функции логической аргументации, как правило, демонстрируют соотнесенность с текстами-донорами благодаря преимущественно референтным субъектам.

Ключевые слова: конструкции (де)авторизации; (не)референтный субъект; цитатная и референциальная интертекстуальность; интертекст-пересказ; островное цитирование; имплицитный межтекстовый след.

Введение

В современном языкознании значительное внимание уделяется исследованию разных аспектов интертекстуальности, под которой понимается «отношение соприсутствия между двумя или несколькими текстами, которое является эйдетическим и в большинстве случаев непосредственным присутствием одного текста в другом» [Genette 1997: 2]¹; «включение в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде маркированных или немаркированных, преобразованных или неизменных цитат, аллюзий и реминисценций» [Арнольд 1999: 346]. При более широком понимании отношений соприсутствия нескольких текстов лингвисты говорят об интердискурсивности, которая «относится к наличию или следу одного дискурса внутри другого», «возникает, когда один участник присваивает и реконструирует дискурсы, связанные с другими участниками» [Lewis, Ketter 2004: 117]. Всеохватывающий и всепроникающий характер интертекстуальности фокусируется на «идее заимствования текстов и понятий друг у друга»: каждый автор как до написания своего текста, так и в процессе написания является читателем созданных до него текстов, поэтому «либо заимствует из предшествующих или параллельных текстов и связанных дискурсов посредством аллюзий, ссылок, цитат, либо каким-то образом находится под влиянием других текстов», в связи с чем «авторское произведение всегда будет иметь отголоски и следы других текстов, на которые оно прямо или косвенно ссылается, явно или имплицитно» [Zengin 2016: 300].

Манифестация интертекстуальности в конкретных текстовых условиях в работах отечественных и зарубежных авторов получила наименование «интертекст» [см., например: Деминова 2016; Сметанина 2002 и др.] (иногда в отечественной лингвистике используется термин «интертекстема» [см.: например: Казак, Махова 2015; Сидоренко 1999], которую характеризуют как «межуровневый реляционный сегмент содержательной структуры текста, вовлеченный в межтекстовые связи» [Сидоренко 1999: 11])², а при рассмотрении отношений целого исходного и конечного текстов используются термины «текст-донор» и «текст-реципиент» [Москвин 2011]. Интертекст «оставляет в тексте неустрашимый след, некую формальную константу, играющую для читателей роль императива и управляющую расшифровкой данного сообщения» [Zengin 2016: 302]. С точки зрения автора, интертекстуальность – это способ генезиса собственного текста и постулирования собственного «Я» через сложную систему отношений оппози-

ций, идентификаций и маскировки с текстами других авторов [Фатеева 2000: 20]. Она отражает когнитивную базу порождающего текст субъекта, его интертекстуального тезауруса, то есть всех тех элементов, которые говорящий субъект считает «чужими» при восприятии некоторого сообщения/текста и которым он придает статус цитатных при порождении собственных высказываний/текстов [Кузьмина 2011].

В лингвистике различают три вида интертекстуальных отношений: 1) эксплицитные (относятся ко всем другим текстам и конкретным источникам, которые автор открыто упоминал), 2) имплицитные (относятся ко всем мимолетным аллюзиям на другие тексты и на эффекты, которые были придуманы автором, чтобы их уловил бдительный и информированный читатель) и 3) инферентные (относятся ко всем текстам, которые фактические читатели используют для облегчения своего понимания текста, поскольку приходят к интертекстуальным значениям, сравнивая и противопоставляя тексты и, таким образом, придавая им смысл, то есть, в отличие от двух предыдущих типов, инферентная интертекстуальность характеризуется открытостью в том смысле, что решение о том, что является интертекстуальным, определяется на основе понимания читателей, а не открытых ссылок на другие тексты) [Panagiotidou 2014: 14–15].

В контексте нашего исследования интерес представляет изучение интертекстуального феномена в современном медиаполе в его эксплицитной и имплицитной разновидностях с учетом референциальных характеристик говорящих субъектов, которые в медиатекстах являются облигаторными компонентами референтной базы события в силу «уникального положения медиатекстов как продуктов глобальной системы, сформированной мощными глобальными дискурсами» [Iqani 2009: 21]. Фокусирование на разнородных в референциальном отношении субъектах, вводящих чужие голоса в медиатекст, представляется нам актуальным, так как позволяет остановиться на свойствах интертекстовых вкраплений, релевантных для изучения феномена интертекстуальности в рамках медиадискурса, а также выявить взаимосвязь референциальных механизмов субъектных номинаций и категории интертекстуальности. Цель работы – определить референциально-прагматические характеристики субъектных компонентов конструкций авторизации и деавторизации в интертекстах новостных статей. В ходе исследования использовались индуктивный метод, включающий наблюдение, сопоставление и классификацию языковых фактов, а также метод контекстуального и лингвопрагматического анализа.

Функционирование разнореференциальных субъектных номинаций конструкций (де)авторизации в интертекстах-цитатах

На содержательно-смысловом и композиционно-стилистическом уровнях интертекстуальность медиатекста обеспечивается обязательным присутствием в нем цитации, в таком случае речь идет о «цитатной интертекстуальности» (*quotation intertextuality*), где «цитаты составляют новый текст; они полностью деконтекстуализированы и существуют теперь в новом диалоге друг с другом, границы которого определены составителем» [Miola 2007]. Цитаты могут быть по-разному отмечены для распознавания читателем, например: типографскими знаками, включением фрагментов иностранного языка или фактическим именованием оригинального автора или текста [там же]. Такие цитаты направляют реципиентов к цитируемому тексту, а со стороны читателей требуются «минимальные вычислительные усилия для установления межтекстовой связи» [Panagiotidou 2014: 201–202], поскольку в медиатекстах восприятие интертекстуальных включений либо не требует от читателя предварительной подготовленности, либо предполагает наличие у него определенной интертекстуальной компетенции и знания последних событий, произошедших в стране и мире.

Рассмотрим и сравним функционирование референциальных механизмов субъектных номинаций и их участие в реализации категории интертекстуальности на примере новостных статей на белорусском и английском языках: «Лакматыў пайшоў пад адхон. Чаму Германія ўжо не «хэдайнер» Еўрасаюза?» (Звязда, 12.11.2022), «Золатавалютныя рэзервы Беларусі за лістапад выраслі на 2,7 %» (Звязда, 7.12.2022) и *Civil servants frightened to enter Dominic Raab's office, former boss claims* (The Times, 15.11.2022), *Nurses' strikes: NHS staff walk out from dozens of UK hospitals* (The Times, 15.12.2022). В ткани повествования обнаруживаются текстовые сигналы, эксплицитно указывающие на его интертекстуальную составляющую. Одной из разновидностей таких текстовых сигналов в обеих медиакультурах выступают синтаксические маркеры (конструкции авторизации и деавторизации), отсылающие к тексту-донору. Сравним:

(1) «Урад вымушаны прыняць «эфектыўныя і агульнанацыянальныя прэвентыўныя меры», каб спыніць хвалю нападаў», – **заявіла** на сустрэчы з прадстаўнікамі банкаўскай індустрыі **міністр унутраных спраў Германіі Нэнсі Фейзер**;

(2) **Lord McDonald of Salford told Times Radio** that Raab was “not aware of the impact of his be-

haviour on the people working for him and couldn't be made to see that impact”;

(3) Як сказаў адзін з нямецкіх палітыкаў, «мы зможам пражыць без прыгожай абгорткі шакаладнага печыва, але жыццё без туалётнай паперы будзе катаваннем»;

(4) **One official said**: “The problem with Raab was that he didn't do it all the time but you could never predict when he was going to be rude”;

(5) У той час, як ад трох буйных еўрапейскіх эканомік – Францыі, Італіі і Іспаніі – **эканамісты** чакаюць нязначнага росту, першай на кантыненте эканоміцы – Германіі – яны **прадказваюць** спад;

(6) **Critics say** that because Sunak has not appointed an adviser on ministerial interests there is no one independent in government able to investigate allegations of inappropriate behaviour among ministers.

Нетрудно заметить, что в приведенных интертекстах субъектно-предикатные маркеры текста-реципиента, отсылающие к тексту-донору, демонстрируют различные референциальные характеристики субъектов, вербализованных полными именными группами: в первых двух примерах используются определенные (конкретные) субъекты, обладающие референциальной прозрачностью для читателя: *міністр унутраных спраў Германіі Нэнсі Фейзер*; *Lord McDonald of Salford*; в последующих примерах представлены нереферентные субъекты: а) неопределенные – *адзін з нямецкіх палітыкаў*, *one official* и б) обобщенные – *эканамісты* и *critics*, которые такой прозрачностью не обладают. Следовательно, в первых двух примерах используется «референциальная интертекстуальность» (*referential intertextuality*) [Devitt 1991: 342], которая предполагает, что взаимосвязь между текстом-донором и текстом-реципиентом поддается выявлению в процессе расшифровки и декодирования. Кодированные субъекты с неопределенной референцией в третьем и четвертом примерах гипотетичны ввиду их неизвестности и невозможности идентификации читателем. В то же время у кодируемых субъектов с обобщенной референцией в пятом и шестом примерах актуализированное референтное пространство является размытым, поскольку гипотетическая интерпретация читателя может повлечь расширение и (или) сужение гипотез относительно собственной результирующей интерпретации касательно того, кого причислить к группам экономистов и критиков, в силу чего связь с текстом-донором не поддается выявлению в процессе расшифровки и декодирования.

**Имплицитный межтекстовый след,
маркируемый конструкциями
деавторизации с устраненным субъектом**

Наряду с эксплицитно маркированными фигурами интертекстуальности с указанием источника информации с разной степенью конкретизации, представленными в вышеприведенных контекстах, еще одной разновидностью текстовых сигналов в анализируемых новостных текстах-реципиентах являются вкрапления в форме синтаксических конструкций, которые подразумевают наличие текста-донора, однако эксплицитно его не маркируют, демонстрируя лишь наличие «межтекстового следа», поскольку «каждый дискурс состоит из “следов”, фрагментов других текстов, которые помогают составить его смысл» [Porter 1986: 34]. Сравним:

(7) *У Германії вырашылі забараніць банкам пакідаць фак адкрытымі з 23.00 да 6.00;*

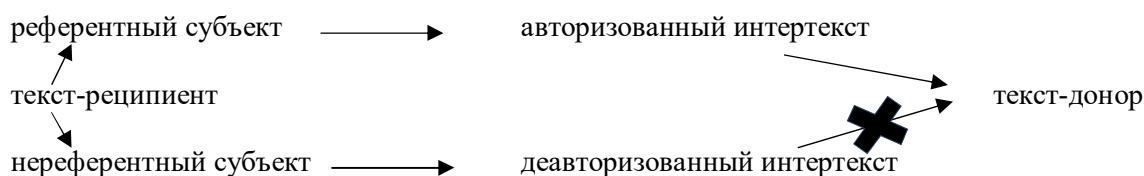
(8) *Dominic Raab, the justice secretary, is said to have caused concern in previous roles with his treatment of officials.*

Таким межтекстовым следом выступают в приведенных примерах конструкции деавторизации с устраненным субъектом: неопределенно-личная (характерная лишь для белорусского языка) *вырашылі* и пассивная *is said*, которые подразумевают наличие источника информации и текста-донора, при этом *кто так решил* и *кто об этом говорит* в тексте статьи не указано. В представленных примерах нащупывание референтного пространства подразумеваемого устраненного субъекта речи в конструкции *is said*, для которого отсутствует контекстуальный претендент на незанятую субъектную позицию, представляется наиболее затруднительным, поскольку реконструирование потенциального круга референтов гипотетично в зависимости от индивидуальной трактовки определенным читателем. Гипотетичная референция является сложной по своему характеру, указывая либо на «пустой» денотат, либо на неопределенность, неоднозначность референтных связей текста с внетекстовым миром в силу своей прогностической природы [Власенко 2010]. Кроме того, реконструирование возможных референтов вследствие инферентных усилий читателя интерпретативно, поскольку сопряжено с двояким прочтением. Подразумеваемый субъект речи в конструкции *is said*, который не может быть реконструирован ретроспективно, поскольку фиксируется в первом предложении статьи, может быть, с одной стороны, соотношен проспективно с упомянутыми в тексте статьи референтными и нереферентными говорящими субъектами *the former head of the Foreign Office, Lord McDonald of Salford, one official, an-*

other civil servant who worked in one of Raab's departments, critics; с другой стороны – рассмотрен отдельно как подразумеваемый максимально широкий круг лиц. В седьмом примере обстоятельный детерминант места у *Германії* выступает в качестве семантического субъекта, ограничивающего круг потенциальных референтов конструкции деавторизации и, возможно, увеличивающего шансы на реконструкцию текста-донора. Потенциальными претендентами на незанятую субъектную позицию могут оказаться номинации *міністр унутраных спраў Германії Нэнсі Фейзер, улады, упрэўленне статыстыкі ФРГ Destatis*, употребленные в непосредственной близости от конструкции с устраненным субъектом. Однако в любом случае подразумеваемые субъекты в обеих медиакультурах являются референциально непрозрачными для читателя, а значит, связь с текстом-донором не поддается реконструкции в процессе расшифровки и декодирования. При этом степень выраженности интертекстуальной составляющей в случае с нереферентными устраненными субъектами в качестве источника информации ниже в сравнении с нереферентными эксплицитными субъектами, поскольку конструкции деавторизации лишь указывают на имплицитный межтекстовый след.

В результате анализа способов вкрапления интертекстов в исследуемых новостных статьях на белорусском и английском языках обнаруживается не только схожесть функционирования референциальных механизмов субъектных номинаций, что объясняется универсальным механизмом и природой самого явления референции, но и корреляция между используемым типом референциального механизма в отношении субъекта конструкций (де)авторизации и (не)возможностью соотнесения интертекстовых фрагментов текста-реципиента с текстом-донором. Схематично данная корреляция представлена на рисунке.

Так, в новостных статьях обеих сопоставляемых лингвокультур в случае с авторизованными интертекстами благодаря прямой отсылке к идентифицируемому первоисточнику у читателя есть возможность найти полную версию текста-донора и верифицировать в случае необходимости извлеченные и используемые в тексте-реципиенте данные. Деавторизованные интертексты, маркируемые эксплицитными нереферентными (неопределенными или обобщенными) субъектами – источниками информации или имплицитными субъектными формами, указывающими на наличие имплицитного межтекстового следа, не допускают возможность идентификации читателем источника информации и верификации данных текста-донора.

Корреляция референциальных механизмов субъектных номинаций и (не)возможности соотнесения интертекстовых вкраплений новостного текста-реципиента с текстом-донором
Correlation of referential mechanisms of subject naming and (im)possibility of correlating intertexts in the recipient news text with the donor text

Функционирование разнореференциальных субъектных номинаций конструкций (де)авторизации в интертекстах-пересказах

Поскольку интертекстуальность трактуется как свойство текста, состоящее в наличии в нем в аутентичном и трансформированном виде содержательных и/или формальных элементов другого вербального или невербального текста, которые автор инкорпорировал в свой текст для выражения определенного смысла, намеренно акцентируя или маскируя включения, журналист, отбирающий интертексты, определяет способы их внедрения в собственный текст: дословно воспроизводимые (например, цитата) или относительно свободно воспроизводимые (например, аллюзия, парафраз, пересказ). В дополнение к проанализированным интертекстам, приведенным в аутентичном виде (вкрапления с прямой речью), рассмотрим примеры трансформированных интертекстов, представленных в форме косвенной речи и демонстрирующих адаптацию текста-донора к тексту-реципиенту:

(9) *Berenberg Economics надкрэслівае, што давер спажыўцоў у Германіі і ў цэлым у еўразоне ўпаў да рэкордна нізкага ўзроўню, што, **сцвярджаюць многія эканамісты**, з'яўляецца «прэлюдыяй рэцэсіі»;*

(10) *Government sources said that because these did not amount to “specific” allegations, they were not investigated.*

Такая адаптация проявляется в усилиях автора по ассимиляции интертекста в своем новом контексте, или «транскодировании», с использованием «лексических замен, модернизации, изменения значения, ослабления фиксированности, добавления, опущения, замены и перестановки» [Panagiotidou 2014: 211], изменения объема, а также частичной модификации грамматики, лексики и синтаксиса текста-донора, что реализует функции оптимизации и структурирования текста-реципиента. Сопоставление отобранных интертекстов на двух анализируемых языках демонстрирует наличие схожих процедур по их ассимиляции, за исключением тех случаев, когда требуется соблюдение норм грамматики (в частности, в нашем англоязычном примере дополни-

тельно используется согласование времен): как в деавторизованном англоязычном интертексте, маркируемым нереферентным обобщенным субъектом *government sources*, так и в гибридном³ белорусскоязычном интертексте, маркируемом двумя референциально разнородными субъектами: конкретным *Berenberg Economics* и обобщенным *многія эканамісты*, – при передаче косвенной речи производится сокращение объема сообщаемой информации в сопровождении соответствующих лексико-синтаксических преобразований. Кроме того, в обоих примерах используется островное цитирование⁴ – «*прэлюдыя рэцэсіі*» и “*specific*”. Подобного рода интертексты-пересказы с островным цитированием позволяют журналисту не только передать информацию в адаптированном и структурированном виде, но и акцентировать внимание читателя на важных, по мнению журналиста, словах, сохранить оригинальную оценку и дистанцироваться от аксиологической позиции цитируемого лица или группы лиц.

Аргументативная модель интертекстов в связке с референциальными механизмами субъектных номинаций в новостном дискурсе

Согласно нашим наблюдениям, интертекстуальные проявления в анализируемых статьях на белорусском и английском языках используются автором-журналистом не только для акцентирования внимания на важных, по мнению журналиста, словах и сохранения оригинальной оценки (как в случае с островным цитированием), но и в целях аргументации. Для реализации своего коммуникативного намерения адресант опирается на аргументы, роль которых играют фигуры интертекста, апеллирующие к авторитетным организациям, экспертным мнениям, новостным порталам, опросам, исследованиям. Иногда в лингвистических работах эти функции – аргументации и документирования авторитетом – разграничиваются [Негрышев 2005]. Маркерами введения таких интертекстовых вкраплений в анализируемых статьях в обеих медиакультурах являются конструкции авторизации (реже деавторизации), которые сведены в таблицу.

Интертекстуальные маркеры, активирующие коммуникативный прием «ссылка на авторитет»
Intertextual markers that activate the communicative tool 'reference to authority'

Тип маркера	Белорусскоязычные маркеры	Англоязычные маркеры
Авторитетные организации	піша Bloomberg; упрэўленне статыстыкі ФРГ Destatis падкрэсліла; паводле ацэнак Арганізацыі эканамічнага развіцця і супрацоўніцтва; Berenberg Economics падкрэслівае; паведамлілі ва ўпраўленні інфармацыі і грамадскіх сувязяў Нацыянальнага банка; удакладнілі ў Нацбанку	Bloomberg reported; Downing Street said; the government says
Эксперты, специалисты	падкрэсліла міністр; пракаментавалі даныя Destatis эканаміст галандскага банка ING Карстэн Бржэскі; Віцэ-прэзідэнт галоўнага банка Еўропы Луіс дэ Гуіндас заявіў; як лічаць эксперты Міжнароднага валютнага фонду; канцлер Шольц аб'явіў; падкрэсліў кіраўнік Фонду сямейнага бізнесу і палітыкі Райнер Кірхдорфер; спецыялісты Інстытута эканамічных даследаванняў Лейбніца ацэньваюць; сказаў кіраўнік аддзела цыклічных працэсаў Торстэн Шміт з Інстытута RWI ў Эсэне	the former head of the Foreign Office claimed; Union boss Pat Cullen says; the prime minister's official spokesman said; Steve Barclay, the health and social care secretary, said; Sir Jim Mackey, NHS England's director of elective recovery, said; Professor Sir Stephen Powis, the national medical director for England, said; ministers estimate; Professor Tim Orchard, chief executive of Imperial College Healthcare NHS Trust, one of four London trusts whose nurses are walking out today, said; Dame Cally Palmer, NHS England's national cancer director, asked; Michelle Mitchell, Cancer Research UK's chief executive, said; Pat Cullen, head of the Royal College of Nursing, said
Новостные порталы	заўважае expert.ru; паведаміў expert.ru; адзначыў eadaily.com	The BBC / The Times told; in remarks first reported by the Health Service Journal
Опросы	згодна з апытаннем	new ONS polling on winter pressures, carried out between November 22 and December 4, found
Исследования	паводле даных даклада МВФ	new figures showed
Гибридные ссылки	аўтар артыкула ў FT цытуе заяву Федэральнага аб'яднання нямецкай прамысловасці BDI, у якой адзначаецца; прыводзіць Bloomberg каментарый старшага эканаміста Даследчага інстытута дзелавой газеты Handelsblatt Дэніса Хузермаера	in a letter to NHS chiefs, Danny Mortimer said; Maria Caulfield, a health minister, told Times Radio; Maria Caulfield, a health minister who is also a nurse, told Sky News; Maria Caulfield added on BBC Breakfast

Аргументативная модель интертекстов в связи с референциальными механизмами субъектных номинаций в новостном дискурсе может быть задана следующей схемой, универсальной для обеих медиакультур: «коммуникативный материал → фильтрация + субъектное кодирование → аргументация». Под коммуникативным материалом понимается вся совокупность точек зрения, высказанных по поводу обсуждаемого вопроса (тезиса), которые журналист отбирает для новостной статьи, кодируя при этом говорящих субъектов как индивидуализированных или коллективных, чтобы использовать отфильтрованные высказывания с целью аргументации. Фигуры интертекста, активирующие коммуникативный прием «ссылка на авторитет», как прави-

ло, выполняют функцию логической аргументации, которая является обязательной для новостного дискурса. При этом разнореференциальные субъектные номинации, репрезентующие авторитетные организации и экспертов, переплетены в тексте-реципиенте таким образом, чтобы подавать утверждения из текстов-доноров как авторитетные, а затем (неоднократно) повторять эту авторитетную информацию или утверждение для целей нового текста в умелой компиляции и разнообразии. Так, в случае с белорусскоязычными статьями речь идет о том, чтобы констатировать спад экономики Германии и спрогнозировать начало рецессии на фоне высокой инфляции и энергетического кризиса (Звязда, 12.11.2022), сообщить о росте золотовалютных резервов Бе-

ларуси с указанием количественных данных (там же). В случае с англоязычными статьями основным коммуникативным намерением журналиста является критика в адрес министра юстиции Великобритании Доминика Рааба относительно недопустимости его агрессивного и грубого поведения на посту по отношению к другим должностным лицам, при этом акцентирование отсутствия предъявления ему официальных обвинений (The Times, 15.11.2022), констатация кризиса системы здравоохранения и низких зарплат медработников, что привело к ситуации забастовки (The Times, 15.12.2022). Материал показывает, что утверждения авторитетных организаций и специалистов, используемые в качестве аргументов в тексте-реципиенте как на белорусском, так и на английском языке, могут подкрепляться количественными данными, результатами исследований и опросов, а сами конструкции авторизации и деавторизации выполняют функцию «вербального эха», поскольку позволяют неоднократно повторять сказанное от имени разных экспертов.

В современном медиапространстве интертекстуальные включения могут быть обусловлены необходимостью соблюдать авторское право (и, в частности, иметь разрешение на использование материалов других изданий), поэтому журналисты «учитывают характер использования материалов и владельцев авторских прав» [Ott, Walter 2000: 438]. В таком случае интертекстуальные включения, которые представлены в онлайн-изданиях в форме гиперссылок, реализуют «гипертекстуальность», то есть набор других встроенных в текст текстов и «сконструированных цепочек объяснительного и дефиниционного характера», которые позволяют связать существующий текст с другими текстами в составе одной общей гипертекстовой системы [Allen 2000: 200–201]. В анализируемых статьях на двух языках материалы других изданий маркируются аналогично: ссылками на новостные порталы при помощи таких конструкций, как: *заўважае / наведані ў expert.ru, адзначыў eadaily.com, The BBC / The Times told, in remarks first reported by the Health Service Journal*; при этом читателю предоставляется возможность перейти к тексту-донору по гиперссылке путем простого нажатия на фигуру интертекста, выделенную шрифтом другого цвета или подчеркиванием. Гипертекстуальные включения позволяют журналисту создать сразу несколько коммуникативных эффектов: переложить ответственность за сообщаемое на другое издание, которое, в свою очередь, предположительно проверило информацию; сослаться на авторитет в целях повышения аргументированности сообщаемого;

акцентировать основания для верифицируемости данных в результате указания конкретного источника.

В дополнение к обязательной логической аргументации в новостном дискурсе факультативной разновидностью с вкраплением фигур интертекста является психологическая аргументация, которая представляет собой апелляцию к эмоциям, опыту и традиции и формируется, в частности, на основании текстов неинституциональной принадлежности с включением мнений нереферентных (как правило, генерализованных) субъектов, представляющих большую общность лиц. В нашем материале интертексты, используемые в функции психологической аргументации, отмечены как в белорусско-, так и англоязычной новостных статьях:

(11) *Калі зімой пачнуцца адключэнні вытворцаў ад газу, то, як спадзяюцца немцы ва ўсіх землях, улады дададуць вытворцаў туалетнай паперы ў спіс важных кампаній, якім неабходна пастаўляць газ і электраэнергію.*

(12) *Nurses in Liverpool have said it is disappointing that colleagues were prevented from striking due to a last-minute deal between their hospital and the Royal College of Nursing;*

Включенные в тексты-реципиенты интертекстовые фрагменты в функции психологической аргументации в наших примерах основываются в случае с белорусскоязычным материалом на знакомстве с ситуацией дефицита в период рецессии, возникшей на фоне экономического спада и энергетического кризиса; в случае с англоязычным материалом – на информированности населения о ситуации забастовки медсестер в Великобритании на фоне низких зарплат и необходимости выполнения их обязанностей врачами. Такие случаи функционирования интертекстуальности в обеих медиакультурах позволяют приобрести известной информации новый смысл благодаря новому контексту, авторскому комментарию или сопоставлению одного элемента интертекста с другим, предполагают наличие у адресата определенной интертекстуальной компетенции и знание последних событий, произошедших в стране и мире, способствуют выразительности и эмоциональности новостного текста.

Дополнительно в англоязычной новостной статье наряду с генерализованным субъектом, маркирующим интертексты, используемые в функции психологической аргументации, применяется сингулярный субъект речи как представитель простых людей или группы населения, который является референтным (пример 13) и нереферентным (пример 14):

(13) *Lucy Mead, 35, who also works in surgery, said that problems with staffing levels had meant*

that patients were no longer being given the care they needed;

(14) *Another woman, who had visited the breast clinic, said that a doctor had to take her to and from departments, a role normally done by nurses.*

Помимо рассмотренных выше интертекстов в функции психологической аргументации текст-реципиент может инкорпорировать интертексты, основанные «на убеждениях, идеях, утверждениях, широко распространенных и, вероятно, знакомых читателям, независимо от того, относят ли они материал к определенному источнику или просто понимают как общеизвестные сведения» [Bazerman 2004: 86–87]. В подобных случаях «текст вызывает в памяти определенные социальные миры» и «является частью культурного мира своего времени» [там же]. Такие интертексты обнаруживаются как в белорусско-, так и в англоязычных новостных статьях, где конструкции деавторизации используются в функции подачи сведений как общеизвестных, однако соотносить интертекстуальные вкрапления с текстами-донорами не представляется возможным, поскольку зачастую они вводятся конструкциями деавторизации с устраненным субъектом. Бессубъектные конструкции в сопоставляемых медиакультурах показывают лишь различие в поверхностной структуре: в белорусском языке могут использоваться безличные конструкции, а для английского языка обязательно наличие формального подлежащего:

(15) *Вядома, у Берліне спрабуюць змагацца з энергетычным крызісам, у які Еўропа ў цэлым і Германія ў прыватнасці шмат у чым загналі сябе самі;*

(16) *It is understood, though, that concerns about Raab's treatment of officials date to his time both as foreign secretary and minister for Brexit.*

В отличие от аналитического жанра, которому свойственна полемика и контраст при освещении некоторой проблемы, когда «журналисты создают драму, опираясь на научные исследования», определяют проблему и раскрывают ее с разных сторон, в результате чего возникает эффект «нейтрального, объективного голоса» [Bazerman 2004: 86], в информационном жанре на примере анализируемых нами новостных статей обеих медиакультур журналисты придерживаются одностороннего освещения проблемы с активацией обоих видов аргументации. Журналисты используют голоса экспертов и простых людей для создания общего утверждения и единой сквозной позиции в конкретной статье, при этом выбирают свой авторский способ объединения голосов в тексте, как правило, помещая в кульминацию слова или мнение сильного индивидуального или коллективного субъекта, сравним:

(17) *Былы кіраўнік ХДС Пол Земяк напісаў у «Твітэры» каратка: «Канцлер смяецца з народа!». Каментарый тут, пэўна, залишніа. Як і прагнозы наконт далейшага лёсу лакаматыва еўрапейскай эканомікі;*

(18) *Critics say that because Sunak has not appointed an adviser on ministerial interests there is no one independent in government able to investigate allegations of inappropriate behaviour among ministers.*

Как в случае с логической, так и в случае с психологической аргументацией интертекстовые вкрапления обеспечивают связность текста благодаря реализации единого коммуникативного намерения на базе тематической общности. В качестве средств когезии выступают способы номинации субъектной составляющей в конструкциях авторизации и деавторизации, которая может быть представлена полной либо редуцированной именной группой или синтаксическим нулем.

Заключение

Анализ белорусско- и англоязычных новостных текстов показал схожесть функционирования референциальных механизмов субъектных номинаций, что объясняется универсальным характером самого явления референции, а обнаруженные различия касаются преимущественно грамматических особенностей (бессубъектные конструкции деавторизации в белорусском языке, безличные конструкции с формальным подлежащим и наличие / значимое отсутствие артикля перед субъектной номинацией в английском языке), обусловленных разнотематичностью двух сопоставляемых языков. Итак, в белорусско- и англоязычных новостных статьях соотношение интертекстовых фрагментов текста-реципиента с текстами-донорами возможно в случае с авторизованными интертекстами, в отличие от деавторизованных интертекстов, где такая возможность исключена. Если взаимосвязь между текстом-донором и текстом-реципиентом поддается выявлению в процессе расшифровки и декодирования и не требует от адресата определенной интертекстуальной компетенции, то реализуется референциальная интертекстуальность. В деавторизованных интертекстах имплицитные субъектные формы демонстрируют наличие межтекстового следа.

Как в белорусско-, так и в англоязычных новостных статьях, помимо передачи информации в структурированном виде, интертекстуальные вкрапления обладают определенной функциональной нагрузкой в целях: 1) обличительной логической и факультативной психологической аргументации; 2) сохранения оригинальной оценки

при островном цитировании и дистанцирования от аксиологической позиции цитируемого лица или группы лиц. Для реализации логической аргументации адресант опирается на аргументы, роль которых играют фигуры интертекста, формирующие логику текста и преимущественно активирующие коммуникативный прием «ссылка на авторитет», при этом конструкции авторизации и деавторизации выполняют функцию вербального эха. Психологическая аргументация, способствующая выразительности и эмоциональности новостного текста, формируется на основании, как правило, текстов неинституциональной принадлежности с включением мнений а) нереферентных обобщенных субъектов, представляющих большую общность лиц; б) нереферентных неопределенных субъектов в составе конструкций, выполняющих функцию подачи сведений как общеизвестных. Установление соотношенности интертекстов в функции психологической аргументации с текстами-донорами в большинстве случаев невозможно из-за нереферентного субъекта, маркирующего интертекст, в то время как интертексты в функции логической аргументации, как правило, демонстрируют соотношенность с текстами-донорами благодаря преимущественно референтным субъектам. Лингвокультурная специфика обнаруживается в функции психологической аргументации: в англоязычной новостной статье с этой целью наряду с генерализованным субъектом используется сингулярный как референтный, так и нереферентный субъект речи. Аргументативная модель интертекстов в связке с референциальными механизмами субъектных номинаций в новостном дискурсе обеих медиакультур идентична и может быть задана следующей схемой: «коммуникативный материал → фильтрация + субъектное кодирование → аргументация». Инкорпорирование большого количества интертекстовых вкраплений в новостных статьях свидетельствует об их интертекстуальной насыщенности.

Примечания

¹ При цитировании англоязычных источников здесь и далее по тексту используется перевод автора.

² В нашей работе в целях единства терминологии будем оперировать термином «интертекст», который наиболее широко используется в трудах отечественных и зарубежных лингвистов.

³ Под гибридным интертекстом понимается высказывание текста-реципиента, включающее два и/или более фрагмента разных текстов-доноров, маркированных различными субъектами речи.

⁴ Островное цитирование используется в интертекстах-пересказах и предполагает включение в текст-реципиент слова или фразы в аутентичном виде, которое было заимствовано у первоисточника и нацелено на сохранение цитируемого компонента без трансформаций и адаптации.

Список литературы

Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. 443 с.

Власенко С. В. Текст как объект референции // Вопросы психолингвистики. 2010. № 11. С. 115–132.

Демидова М. А. Вербализация интертекстуальности в публицистическом дискурсе // Litera. 2016. № 4. С. 24–31. doi 10.7256/2409-8698.2016.4.20661

Казак М. Ю., Махова А. А. Разнотипные интертекстемы в журналистском тексте: опыт функционального описания // Медиалингвистика. 2015. № 2(8). С. 93–103.

Кузьмина Н. А. Интертекстуальность и прецедентность как базовые когнитивные категории медиадискурса. URL: <http://www.mediascope.ru/node/755> (дата обращения: 09.11.2022).

Москвин В. П. Интертекстуальность: понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. 164 с.

Негрышев А. А. Прагматика интертекстуальности в новостном дискурсе СМИ (на материале информационных заметок). URL: <http://www.myluni.ru/journal/clauses/110> (дата обращения: 09.01.2023).

Сидоренко К. П. Интертекстовые связи пушкинского слова. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1999. 253 с.

Сметанина С. И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века). СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2002. 382 с.

Фатеева Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М.: Агар, 2000. 280 с.

Allen G. Intertextuality. London; NY: Routledge, 2000. 270 p.

Bazerman C. Intertextuality: How Texts Rely on Other Texts // What Writing Does and How It Does It; ed. by C. Bazerman, P. Prior. Mahwah: Erlbaum, 2004. P. 83–96.

Devitt A. Intertextuality in Tax Accounting: Generic, Referential, and Functional // Textual Dynamics of the Professions – Historical and Contemporary Studies of Writing in Professional Communities; C. Bazerman & J. Paradis. Wisconsin: University of Wisconsin Press, 1991. P. 336–357.

Genette G. *Paratexts: Thresholds of interpretation*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 427 p.

Iqani M. *Megatextuality: Re-enunciating Media Intertextuality in the Age of Global Media Discourse*. London: Media@LSE, 2009. 27 p.

Lewis C., Ketter J. *Learning as Social Interaction: Interdiscursivity // An introduction to critical discourse analysis in education*; ed. by R. Rogers. London: Lawrence Erlbaum Associates Inc., 2004. P. 117–146.

Miola R. S. *Seven Types of Intertextuality*. URL: <https://loyolanotredamelib.org/Chaired/docs/SevenTypesIntextuality-04.pdf> (дата обращения: 08.05.2023).

Ott B., Walter C. *Intertextuality: Interpretive Practice and Textual Strategy // Critical Studies in Media Communication*. Abingdon: Taylor & Francis Ltd., 2000. Vol. 17, № 4. P. 429–446.

Panagiotidou M. E. *Intertextuality and the Pragmatics of Literary Reading // Chapman S., Clark B. (eds). Pragmatic Literary Stylistics. Palgrave Studies in Pragmatics, Language and Cognition*. London: Palgrave Macmillan, 2014. doi 10.1057/9781137023278_8

Porter J. *Intertextuality and the Discourse Community // Rhetoric Review*. Abingdon: Taylor & Francis Ltd., 1986. Vol. 5, № 1. P. 34–47.

Zengin M. *An Introduction to Intertextuality as a Literary Theory: Definitions, Axioms and the Originators // Pamukkale University Journal of Social Sciences Institute*. 2016. № 25/1. P. 299–327.

References

Arnold I. V. *Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost'* [Semantics. Stylistics. Intertextuality]. St. Petersburg, St Petersburg University Press, 1999. 443 p. (In Russ.)

Vlasenko S. V. *Tekst kak ob'ekt referentsii* [Text as referencing percept]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2010, issue 11, pp. 115–132. (In Russ.)

Deminova M. A. *Verbalizatsiya intertekstual'nosti v publitsisticheskom diskurse* [Verbalization of intertextuality in journalistic discourse]. *Litera*, 2016, issue 4, pp. 24–31. doi 10.7256/2409-8698.2016.4.20661 (In Russ.)

Kazak M. Yu., Makhova A. A. *Raznotipnye intertekstemy v zhurnalistском tekste: opyt funktsional'nogo opisaniya* [Various types of intertextemes in journalistic text: A functional description]. *Medialingvistika* [Media Linguistics], 2015, issue 2(8), pp. 93–103. (In Russ.)

Kuz'mina N. A. *Intertekstual'nost' i pretsedentnost' kak bazovye kognitivnye kategorii media-diskursa* [Intertextuality and precedent as basic cognitive categories of media discourse]. Available at:

<http://www.mediascope.ru/node/755> (accessed 09 Nov 2022). (In Russ.)

Moskvin V. P. *Intertekstual'nost': ponyatiynyy apparat. Figury, zhanry, stili*. [Intertextuality: A Conceptual Apparatus. Figures, Genres, Styles]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2011. 164 p. (In Russ.)

Negryshev A. A. *Pragmatika intertekstual'nosti v novostnom diskurse SMI (na materiale informatsionnykh zametok)* [The pragmatics of intertextuality in news discourse of the mass media (based on the material of information notes)]. Available at: <http://www.my-luni.ru/journal/clauses/110> (accessed 09 Jan 2023). (In Russ.)

Sidorenko K. P. *Intertekstovye svyazi pushkinskogo slova* [Intertextual Links of the Pushkin's Word]. St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia Press, 1999. 253 p. (In Russ.)

Smetanina S. I. *Media-tekst v sisteme kul'tury (dinamicheskie protsessy v yazyke i stile zhurnalistiki kontsa XX veka)* [Media Text in the System of Culture (Dynamic Processes in the Language and Style of Journalism at the End of the 20th Century)]. St. Petersburg, Publishing House of V. A. Mikhailov, 2002. 382 p. (In Russ.)

Fateeva N. A. *Kontrapunkt intertekstual'nosti, ili Intertekst v mire tekstov* [Counterpoint of Intertextuality, or Intertext in the World of Texts]. Moscow, Agar Publ., 2000. 280 p. (In Russ.)

Allen G. *Intertextuality*. London, NY, Routledge, 2022. 270 p. (In Eng.)

Bazerman C. *Intertextuality: How texts rely on other texts. What Writing Does and How It Does It*. Ed. by C. Bazerman, P. Prior. Mahwah, Erlbaum, 2004, pp. 83–96. (In Eng.)

Devitt A. *Intertextuality in tax accounting: generic, referential, and functional. Textual Dynamics of the Professions – Historical and Contemporary Studies of Writing in Professional Communities*. Ed. by C. Bazerman & J. Paradis. Wisconsin, University of Wisconsin Press, 1991, pp. 336–357. (In Eng.)

Genette G. *Paratexts: Thresholds of Interpretation*. Cambridge, Cambridge University Press, 1997. 427 p. (In Eng.)

Iqani M. *Megatextuality: Re-Enunciating Media Intertextuality in the Age of Global Media Discourse*. London, Media@LSE, 2009. 27 p. (In Eng.)

Lewis C., Ketter J. *Learning as social interaction: Interdiscursivity. An Introduction to Critical Discourse Analysis in Education*. Ed. by R. Rogers. London, Lawrence Erlbaum Associates Inc., 2004, pp. 117–146. (In Eng.)

Miola R. S. *Seven types of intertextuality*. Available at: <https://loyolanotredamelib.org/Chaired/docs/SevenTypesIntextuality-04.pdf> (accessed 08 May 2023). (In Eng.)

Ott B., Walter C. *Intertextuality: Interpretive practice and textual strategy. Critical Studies in Me-*

dia Communication, Abingdon, Taylor & Francis Ltd., 2000, vol. 17, issue 4, pp. 429–446. (In Eng.)

Panagiotidou M. E. Intertextuality and the pragmatics of literary reading. *Pragmatic Literary Stylistics. Palgrave Studies in Pragmatics, Language and Cognition*. Ed. by S. Chapman, B. Clark. London, Palgrave Macmillan, 2014. doi 10.1057/97811137023278_8. (In Eng.)

Porter J. Intertextuality and the discourse community. *Rhetoric Review*, Abingdon, Tailor & Francis Ltd., 1986, vol. 5, issue 1, pp. 34–47. (In Eng.)

Zengin M. An introduction to intertextuality as a literary theory: Definitions, axioms and the originators. *Pamukkale University Journal of Social Sciences Institute*, 2016, vol. 25, issue 1, pp. 299–327. (In Eng.)

The Role of Referential Mechanisms of Subject Naming in the Manifestation of Intertextuality in News Articles (on the material of the Belarusian and English languages)

Irina M. Basovets

Associate Professor in the Department of Theoretical and Applied Linguistics

Minsk State Linguistic University

21, Zakharova st., Minsk, 220034, Republic of Belarus. basovets@list.ru

SPIN-code: 8469-3169

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2142-7233>

ResearcherID: HKO-8406-2023

Submitted 19 Jul 2023

Revised 02 Oct 2023

Accepted 10 Jan 2024

For citation

Basovets I. M. Uchastie referentsial'nykh mekhanizmov sub'ektnykh nominatsiy v manifestatsii kategorii intertekstual'nosti v novostnykh stat'yakh (na materiale belorusskogo i angliyskogo yazykov) [The Role of Referential Mechanisms of Subject Naming in the Manifestation of Intertextuality in News Articles (on the material of the Belarusian and English languages)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2024, vol. 16, issue 2, pp. 5–15. doi 10.17072/2073-6681-2024-2-5-15. EDN CKYGEV (In Russ.)

Abstract. The study of the relationship between the universal mechanisms of subject reference with its linguocultural naming specifics and the omnipresent category of intertextuality in media discourse seems to be relevant due to the ontological nature of this relationship and insufficient study of this phenomenon. The paper aims to determine referential and pragmatic characteristics of the subject components of the authorization and deauthorization structures in the intertexts of news articles. Research methods employed comprise the inductive method, contextual and semantic-and-pragmatic analysis. The material under study is news articles in the Belarusian (*Zvyazda*, a local newspaper) and English (*The Times*) languages. An analysis of the ways how the intertexts in the news articles are incorporated revealed a correlation between the type of the referential mechanism used in relation to the subject of (de)authorization structures and the (im)possibility of relating intertextual fragments of the recipient text with the donor text. It has been established that in news articles intertexts are used for the purpose of argumentation and/or preservation of the original evaluative judgement in the case of fragment quoting. Logical argumentation mainly relies on texts of institutional affiliation with the activation of the communicative tool 'authoritative reference', while psychological argumentation is formed, as a rule, on the basis of texts of non-institutional affiliation representing opinions of generalized or indefinite subjects. The study revealed that in most cases it is impossible to establish the correlation of intertexts in the function of psychological argumentation with donor texts due to the non-referential subject marking the intertext, while intertexts in the function of logical argumentation, as a rule, demonstrate correlation with donor texts due to predominantly referential subjects.

Key words: (de)authorization structures; (non)referential subject; quotational and referential intertextuality; paraphrasing intertext; fragment quoting; implicit intertextual trace.